

DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-3-130-138

EDN: LCLTKK

ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: МЕЖДУ “ДРУЖБОЙ” И “НЕДРУЖБОЙ”

(Круглый стол

Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН)

(Часть первая)

© 2023 г.

Материал поступил 02.11.2022. Принят к печати 12.12.2022.

Аннотация. Редакция публикует краткий отчет о круглом столе, проведенном в Центре Азиатско-Тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН и посвященном новым явлениям в системе международных отношений в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), в политике расположенных в нем государств. Резкое повышение уровня конфронтации в различных регионах мира в течение прошедшего года приводит к усилению значимости в системе международных отношений, во внешней политике государств таких категорий, как “дружественность” и “недружественность” по отношению к другим странам. Эти явления затронули и Индо-Тихоокеанский регион, ныне играющий ключевую роль в мировой политике и экономике, в котором происходят сложные и подчас разнонаправленные процессы реструктуризации политического пространства, реформирования экономических, военных и политических отношений между государствами. В данном контексте представляется актуальным анализ влияния факторов “дружбы/недружбы” на формирование основных “осей” сближения и противостояния в регионе, новых блоков и коалиций. Важной самостоятельной исследовательской задачей становится и определение нового позиционирования России в ИТР с учетом отмеченных факторов. Эти и другие тесно связанные с ними вопросы и явились объектом дискуссии на круглом столе, состоявшемся в конце октября 2022 г. При этом участники дискуссии сосредоточили внимание на анализе политики не всех стран региона, а преимущественно государств Тихоокеанской Азии (ТА), Индии и Южной Азии. В дискуссии приняли участие: **К.Р. Вода**, к.полит.н., ученый секретарь ИМЭМО РАН; **Л.А. Гамза**, к.э.н., с.н.с. ИМЭМО РАН; **О.В. Давыдов**, посол по чрезвычайным поручениям в отставке, с.н.с. ИМЭМО РАН; **Е.А. Канаев**, д.и.н., профессор НИУ ВШЭ; **А.Н. Карнеев**, к.и.н., профессор НИУ ВШЭ; **А.В. Куприянов**, к.и.н., рук. группы ИМЭМО РАН; **В.Л. Ларин**, академик РАН, зампредела президиума ДВО РАН; **А.В. Ломанов**, д.и.н., зам. директора ИМЭМО РАН; **С.А. Луконин**, к.э.н., зав. сектором ИМЭМО РАН; **В.В. Михеев**, академик РАН, член дирекции ИМЭМО РАН; **В.В. Сумский**, д.и.н., гл.н.с. ИМЭМО РАН; **М.А. Терских**, к.полит.н., н.с. ИМЭМО РАН; **В.Г. Швыдко**, к.э.н., рук. группы ИМЭМО РАН.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, “дружба/недружба”, Китай, Япония, Индия, Республика Корея, КНДР, АСЕАН, Вьетнам, Россия.

INDO-PACIFIC REGION: BETWEEN “FRIENDSHIP” AND “UNFRIENDLINESS” (Round Table at the Center for Asia Pacific Studies of IMEMO) (Part 1)

Received 02.11.2022. Accepted 12.12.2022.

Abstract. The Editorial Board publishes a brief report on the round table at the Center for Asia Pacific Studies of IMEMO on new phenomena in the system of international relations in the Indo-Pacific Region (IPR) and in the policies of the states located there. The sharp increase in the level of confrontation in different regions of the world over the past year leads to increased importance in the system of international relations, in the foreign policy of states of such categories as “friendliness” and “unfriendliness” in relation to other countries. These phenomena have also affected the Indo-Pacific region, which now plays a key role in world politics and economy, where complicated and sometimes multidirectional processes of restructuring the political space, reformatting economic, military and political relations between states are taking place. In this context, it seems relevant to analyze the influence of the factors of “friendship/unfriendliness” on the formation of the main “axes” of rapprochement and confrontation in the region, new blocs and coalitions. The determination of Russia’s new positioning in the IPR taking into account the factors mentioned above also becomes an important independent research task. These and other closely related issues were

the object of discussion at the round table held by the Center for Asia Pacific Studies of IMEMO in late October 2022. At the same time the discussion participants focused on the analysis of policies not of all countries in the region, but mainly of the Pacific Asia (PA) and India and South Asia. The panelists were **K.R. Voda**, Cand. Sci. (Polit.), Scientific Secretary of IMEMO; **L.A. Gamza**, senior researcher at IMEMO; **O.V. Davydov**, retired Ambassador-at-Large, senior researcher at IMEMO; **E.A. Kanaev**, Dr. Sci. (Hist.), Professor at National Research University Higher School of Economics; **A.N. Karneev**, Cand. Sci. (Hist.), Professor at National Research University Higher School of Economics; **A.V. Kupriyanov**, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Group at IMEMO; **V.L. Larin**, RAS Academician, Deputy Chairman of the Presidium of FEB RAS; **A.V. Lomanov**, Dr. Sci. (Hist.), Professor of RAS, Deputy Director of IMEMO; **S.A. Lukonin**, Cand. Sci. (Econ.), Head of the Sector, IMEMO; **V.V. Mikheev**, RAS Academician, Member of the IMEMO Directorate; **V.V. Sumskiy**, Dr. Sci. (Hist.), principle researcher at IMEMO; **M.A. Terskikh**, Cand. Sci. (Polit.), researcher at IMEMO; **V.G. Shvydko**, Cand. Sci. (Econ.), Head of the Group at IMEMO.

Keywords: Indo-Pacific region, “friendship/unfriendliness”, China, India, Japan, Republic of Korea, DPRK, ACEAN, Vietnam, Russia.

Участники круглого стола начали обсуждение с определения понятия “дружба/недружба” в международных отношениях и того, как оно воплощается в политике стран региона.

По мнению **В.Л. Ларина**, само понятие “дружба/недружба” исключительно субъективно и отражает не реальное состояние отношений между государствами, а реакцию политических элит и народов на шаги других стран, ущемляющих их национальные интересы и, что особенно важно для стран Востока, их национальные чувства и гордость. В отличие от человеческих отношений, где дружба – состояние в основном эмоциональное, в международной политике в основе формирования такого качества отношений лежат вполне прагматичные соображения и интересы, но используется при этом ясный и понятный для массового сознания формат.

Тем не менее в последнее десятилетие стало модно “играть в дружбу”, как и переносить формально дружеский характер отношений между главами государств на отношения между самими государствами, что далеко не всегда адекватно отражает реальное состояние дел. Так что “недружественность” – это следствие прагматичной деятельности политиков, беззастенчиво эксплуатирующих чувства, эмоции и настроения своего населения.

Понятие “дружбы” имеет важное значение только в случае развитых и тесных отношений между государствами, когда у них есть общие границы и они связаны общими экономическими и политическими интересами. В противном случае зачастую можно говорить лишь о дружественных или недружественных действиях, которые принципиально не меняют характер отношений, хотя и могут приводить к их временному охлаждению. Но прагматичные интересы в конечном счете перевешивают.

“Недружественные шаги” одной стороны, особенно в жестких экономических схватках, далеко не всегда приводят к тому, что обиженная сторона записывает своего контрагента в “недружественные государства”. Российский МИД явно перестарался, заноса в список “недружественных” России столь широкий перечень государств.

“Дружба” между государствами – это частичное и временное совпадение матриц их интересов, когда они могут позволить себе закрывать глаза на непринципиальные разногласия и противоречия между ними ради достижения каких-то общих целей. “Дружба” искусственно взращивается правящими элитами тогда, когда совпадающие актуальные интересы перевешивают и заставляют убирать “под сукно” исторические обиды (так китайские руководители “прикрыли”, но не убрали из историко-культурного нарратива тему “захвата царской Россией китайской территории”) или идеологические противоречия.

В странах Тихоокеанской Азии (ТА) национальный психотип существенно влияет на определение властью характера международных отношений. Основа “недружественности” здесь – история. “Недружественность” в ТА измеряется не в долларах, иенах или юанях, а глубиной исторических обид. “Проглотить обиду” могут, забыть – никогда. Именно поэтому каждое посещение премьер-министром Японии храма Ясукуни воспринимается в Пекине куда болезненнее, чем увеличенные таможенные пошлины или слова японских парламентариев в поддержку независимости Тайваня.

С точки зрения **В.Г. Швыдко**, реализация и планирование внешней политики основными игроками в ИТР опираются на различные концепции и соответствующий им лексикон. Поэтому и понимание у них “дружбы/недруж-

бы” является различным. Кроме того, следует учесть, что цели внешней политики постоянно нуждаются в уточнении, поскольку само понятие “дружбы/недружбы” в международных отношениях тесно завязано на понимание этих целей. Даже небольшая их модификация ведет к существенному пересмотру конфигурации предпочтительных отношений и существенному изменению характера последних. При этом цели внешней политики в реальности не являются статичными и в некотором смысле образуют динамичную систему, включающую в себя многочисленные взаимные связи. Даже если базовые, стратегические цели того или иного государства (например, цель изменения соотношения сил или понуждение других участников международных отношений принять определенные изменения в статусе и возможностях данного актора) остаются неизменными, более частные цели — цели второго и третьего порядка — неизбежно меняются, вызывая изменения в целеполагании других участников. Собственно именно это и наблюдалось в течение этого года в связи с продолжающейся эволюцией стратегии США в отношении Китая. Очевидно, что процесс корректировки промежуточных целей продолжится и в следующем году и предсказать, какую именно конфигурацию кратко- и среднесрочных целей будут наблюдать аналитики, например, к концу будущего года, сегодня невозможно.

Л.А. Гамза акцентировал внимание на том, что в ИТР в основе межгосударственной и межстрановой конкуренции определяющими являются экономические и технологические факторы, непосредственно влияющие на уровень жизни населения. По его мнению, исторические факторы и военно-политические амбиции являются вспомогательными при формировании внутренней политики и решении основных задач развития страны. Поэтому самым опасным очагом “недружбы” здесь считается подчинение национальных интересов развития конкретной страны экономическим и внешнеполитическим интересам другого государства, результатом чего становятся милитаризация экономики, усиление военно-промышленного комплекса и вовлеченность в военно-политические блоки с возрастающей перспективой и вероятностью участия в вооруженных конфликтах.

Что же касается фактора “дружбы”, как его понимают в регионе, то позитивное отношение стран ИТР друг к другу и к внешним игро-

кам определяется прежде всего национальными интересами, реализация которых зависит от возможностей и заинтересованности партнера принять в этом участие на основе взаимности (общности интересов, возможностей и целей).

При этом участники круглого стола были едины в том, что на проявление фактора “дружбы/недружбы” в политике стран региона огромное воздействие оказывает общая конфигурация сил в ИТР.

Так, с точки зрения **А.В. Ломанова**, растущая напряженность в отношениях между США и Китаем все более заметно влияет на ситуацию в регионе в целом. Это серьезный вызов для Пекина, привыкшего за годы реформ поддерживать с Западом стабильное взаимовыгодное сотрудничество. Развязанная Д. Трампом “торговая война” стала неожиданностью для Китая. Вернуться к прежней модели отношений при Дж. Байдене не удалось, противостояние Вашингтона и Пекина обрело затяжной характер. Разногласия охватывают все больше различных аспектов, и это не позволит сторонам найти быстрый путь выхода из кризиса. Введенные при Д. Трампе ограничения в адрес отдельных китайских компаний переросли при Дж. Байдене во всеобъемлющий запрет на поставки в Китай современных микрочипов. Демонстративная поддержка американской стороной администрации Тайваня убеждает Пекин в невозможности осуществить мирный сценарий воссоединения. Альтернативой является применение силы, грозящее прямым военным столкновением между Китаем и США. Д. Трамп сосредоточил внимание на двусторонних экономических противоречиях, что оставляло пространство для согласования интересов. При Дж. Байдене политика в отношении Китая стала идеологизированной, процесс разрушения взаимного доверия ускорился. Китайское руководство осознало реальный масштаб вызова и ставит на первое место задачу повышения готовности к усилению американского санкционного давления.

Уходит в историю прежний подход, когда после саммитов КНР—США китайская пропаганда с оптимизмом сообщала о “достижении важного консенсуса”, нацеленного на стабилизацию и долгосрочное развитие отношений. Китай встревожен тем, что американское руководство делает противоречивые заявления по тайваньской проблеме: заверения в приверженности договоренностям полувековой давности

о принадлежности Тайваня Китаю чередуются с обещаниями оказывать Тайваню военную поддержку. Китайская сторона все меньше верит в готовность США последовательно выполнять свои обещания. И в этой ситуации в глазах Пекина значимость саммитов снижается — рано или поздно лидеры КНР и США встретятся, но на прорывные соглашения никто уже не рассчитывает.

США, а вслед за ними и Запад в целом сильно недовольны укреплением власти КПК и централизацией полномочий в руках Си Цзиньпина. После периода сближения Запад вновь воспринимает Китай как идейно-политического “чужого”, не оправдавшего надежды на демократический транзит вслед за переходом к рыночной экономике. Повышение статуса марксизма в китайской политике вызывает на Западе иррациональное раздражение. Если Китай будет видеть в западной критике завуалированные призывы к смене режима, достигнуть конструктивных договоренностей станет еще труднее.

По мнению Л.А. Гамзы, на ситуацию в ИТР заметное влияние оказывают действующие и формирующиеся на основе глобальной конкуренции экономические и военно-политические региональные и субрегиональные объединения. Они в зависимости от состава их участников, степени влияния недружественных государств в регионе объективно нацелены на противодействие и подавление конкурентов. И это ограничивает пространство для развития дружественных отношений.

В.Л. Ларин обратил внимание на то, что все провалившиеся попытки создать хоть какое-то подобие общей системы безопасности в ТА показывают, насколько глубоки историко-культурные противоречия между государствами региона. Так что линии общей “недружбы” будут сохраняться, что не отвергает прагматических сближений.

Но при этом “дружить” против третьего — не в традициях стран региона. “Дружить” с Китаем по принципу “сюзерен—вассал” не хочет никто. Хотя воспользоваться им как локомотивом для собственного развития готовы практически все, и поэтому страны региона будут избегать (за исключением Японии и Южной Кореи) попадания в капкан американо-китайского конфликта.

Иную точку зрения на влияние общей конфигурации сил в ИТР на роль фактора “дружбы/

недружбы” в регионе высказал В.Г. Швыдко. По его словам, полицентричность (или многополярность) нынешнего мироустройства на практике превращается в доминирующий фактор системы международных отношений, в частности и в особенности в Индо-Тихоокеанском регионе.

Действительно, на теоретическом уровне — на уровне доктринальных документов основных региональных акторов, акторов первого ряда — мир является преимущественно биполярным, где силам, выступающим за порядок, стабильность и безопасность, противостоят силы хаоса и агрессии. И все внешнеполитические действия в той или иной степени укладываются в схему конфликта между этими двумя полюсами. В той или иной форме эту логику биполярного противостояния можно обнаружить в программных документах всех основных международных акторов ИТР. Соответственно, и характер их отношений с другими акторами может быть описан как дружественный или враждебный в зависимости от того, какое место они занимают в отношении воображаемых баррикад.

На практике же, однако, мир в системе региональных отношений выглядит как не просто полицентричный, а сильно дифференцированный по различным критериям. И распределение этих центров (или, можно сказать, полюсов) по линии “дружественный—враждебный” во многом зависит от того, какой критерий имеется в виду и о достижении каких целей идет речь. Поскольку большинство крупных государств региона понимает международные отношения как комплексное явление, не сводящееся к системе военных блоков или союзов, но включающее в себя как минимум торгово-экономический и гуманитарно-экологический компоненты, картина полицентричного мира получается довольно пестрой, отношения внутри него — простыми, а зачастую и довольно запутанными.

Пример — КНР в японской внешней политике. С точки зрения военной безопасности в японских доктринальных документах КНР уже длительное время рассматривается как угроза прежде всего из-за ее растущего военного потенциала и действий по использованию этого потенциала для проецирования силы вовне. В то же время КНР остается для Японии важнейшим торгово-экономическим партнером и партнером для решения общих проблем безопасности. Одновременно при выстраивании политики в от-

ношении КНДР, которая также сегодня является отдельным самостоятельным актором в Северо-Восточной Азии, роль КНР выглядит, с японской точки зрения, неопределенной. С одной стороны, это партнер для консультаций и возможного ослабления угрозы, с другой — источник дополнительной озабоченности возможной негласной поддержкой Северной Кореи в ее действиях, рассматриваемых в Японии как угроза.

И таких примеров можно привести множество. Вывод же состоит в том, что реальное, а не формальное усиление полицентричности отношений в регионе ведет к размыванию определения “дружественного” государства и тем самым побуждает использовать более сложный и гибкий понятийный аппарат и инструментарий.

Далее участники круглого стола обсудили вопрос о том, как фактор “дружбы/недружбы” проявляется в политике ведущих стран региона.

С точки зрения В.Л. Ларина, Китай сегодня записывает в “недружественные государства” (不友好国家) те из них, которые предпринимают откровенные политические действия, имеющие целью нарушить его территориальную целостность (поддерживающие сепаратизм Тайваня, Тибета, Синьцзяна), и/или экономические шаги, препятствующие росту благосостояния народа (санкции, рестрикции, пошлины и пр.). В то же время “недружественность” к Китаю некоторых стран он объясняет как сугубо историческими причинами (Япония, Южная Корея, Вьетнам, Индия), так и колониальными амбициями и гегемонистскими устремлениями (США, Австралия, Великобритания).

По мнению В.Г. Швыдко, показательным в плане “дружественности/недружественности” можно считать подход, которого придерживаются американские администрации при формулировании ими своей стратегии в ИТР. Они классифицируют страны региона по критерию характера отношений и тесноты взаимодействия, выделяя среди них союзников, партнеров, с одной стороны, и объекты силовой конкуренции и сдерживания, с другой. Это соответствует широко принимаемой американским политическим классом концепции американского “лидерства”, в рамках которой США занимают центральное место в системе международной безопасности, организуя систему союзов и партнерских отношений, нацеленных на реализацию стратегических целей США в этой сфере. Союзы и партнерства в данной схеме призваны обеспе-

чивать стабильность, базирующуюся на признании ведущей роли США и определенных правил международного поведения, которые эта роль призвана поддерживать.

При этом партнерские отношения, устанавливаемые США с отдельными странами и их объединениями (например, АСЕАН), могут иметь разную степень доверительности и “дружественности” в зависимости от объема совпадающих интересов и/или идентификации партнеров по идеологическим предпочтениям. В качестве последних наиболее часто используется разделение политических режимов на “демократические” (поликратические) и авторитарные, хотя возможно применение и иных формальных критериев (например, соблюдение “прав человека”, соблюдение правил в международных отношениях и т. д.) С этой точки зрения у США есть партнеры, взаимодействие с которыми ограничивается определенными ограниченными сферами или вопросами, где наблюдается совпадение конкретных интересов, и есть более близкие партнеры (*like-minded countries*), которые разделяют то, что США называют своими ценностями, а именно американское понимание логики и принципов мироустройства и миропорядка. При этом нельзя сказать, что интенсивность взаимодействия связана исключительно с политической философией, которой придерживается правящая элита той или иной страны. Есть примеры того, как США с готовностью идут на контакт и пытаются выстроить отношения в достаточно чувствительных областях с политическими режимами самого разного толка и характера. И наоборот, могут создавать трения и сложности, в том числе буквально на ровном месте, в отношениях с теми, с кем на концептуальном уровне наблюдается внешнее единомыслие.

Другой пример — японское видение региональной (а отчасти и глобальной) политики выстраивания разных типов отношений с различными государствами. Особые отношения, которые официально квалифицируются как союзнические, связывают Японию с США. При этом в Японии трезво осознают, что этот союз имеет асимметричный характер и возможности для маневра в его рамках у Японии достаточно ограничены. Все же остальные страны региона, с которыми взаимодействует японское правительство, ранжируются им по шкале партнерства и противостояния, на одном конце которой на-

ходятся государства, рассматриваемые как угроза безопасности, на другой – партнеры по сотрудничеству. Они, в свою очередь, разделяются на государства, с которыми установлены долгосрочные отношения тесной кооперации, и субъекты, конструктивное взаимодействие с которыми носит ограниченный характер.

Таким образом (и в этом состоит первый тезис, сформулированный В.Г. Швыдко), разделение стран – контрагентов по международным отношениям на дружественные и недружественные, вероятно, является инструментальным с точки зрения применимости устанавливаемых норм и ограничений к контактам с тем или иным субъектом, но по большому счету упрощает реальную картину. Она уже сегодня является более сложной, чем предполагает указанное деление, а в дальнейшем можно ожидать еще более нюансированный и градуированный подход к классификации двусторонних отношений.

Далее участники круглого стола проанализировали состояние и перспективы отношений России с ведущими государственными и межгосударственными (АСЕАН) акторами региона сквозь призму категорий “дружественности/недружественности”.

Л.А. Гамза, давая общую оценку отношений России со странами региона, отметил, что Россия является значимым и привлекательным для равноправного сотрудничества членом ИТР по различным направлениям, что признается и реализуется многими странами региона, не отягощенными навязанными им извне политическими симпатиями (АСЕАН, Индия, Китай). Россия сотрудничает с заинтересованными странами региона на основе взаимной выгоды и невмешательства во внутренние дела.

Иную точку зрения на положение России в ИТР высказал В.Л. Ларин. По его мнению, исторический багаж дает возможность России чувствовать себя в регионе достаточно комфортно. За ней не тянется шлейф глубоких исторических обид (за исключением Японии и Китая), но при этом особого интереса к ней и потребностей ее участия в регионе не наблюдается. Не видно, чтобы страны региона как-то нуждались в “дружбе” со стороны России. И отношения свои она должна выстраивать не по линии “дружба/недружба”, а в формате “выгодно/невыгодно”, выступая, скорее, модератором и арбитром в спорах между государствами региона, чем их участником.

Особое место в дискуссии было отведено российско-китайским отношениям.

А.В. Ломанов обратил внимание на то, что в опубликованном в Пекине в 2021 г. нормативном учебном пособии по изучению “внешнеполитических идей Си Цзиньпина”, подготовленном Отделом пропаганды ЦК КПК и МИД КНР, отношения с Россией заняли более важное место, чем связи Китая с США и ЕС. Очевидно, что при расстановке приоритетов китайская сторона руководствовалась не количественными показателями объемов двусторонней торговли (с этой точки зрения США и ЕС для Китая намного важнее), а качественными характеристиками. Среди них уровень взаимного доверия, степень совпадения подходов к важным международным проблемам, наличие общих интересов и готовность помогать друг другу в их отстаивании. Продление полномочий Си Цзиньпина на посту партийно-государственного лидера способствует тому, что эти дружественные по отношению к России ориентиры будут унаследованы во внешней политике КНР до конца нынешнего десятилетия.

Прежде некоторые китайские исследователи указывали, что размер российской экономики сопоставим с экономикой провинции Гуандун, и это делает Россию малопривлекательным партнером, заведомо неспособным возместить Китаю потери от ухудшения связей с США. Однако в нынешней ситуации на первое место выходит готовность России уважать национальные интересы Китая на фоне растущего пренебрежения к этим интересам со стороны США. Китай выигрывает экономически от торговли с США, но теряет в сфере безопасности от американских попыток проводить в Азии блоковую политику и создавать альянсы для сдерживания Пекина. Это побуждает Китай поддерживать призывы России к созданию механизмов неделимой безопасности, не допускающих нарушения интересов одной страны ради усиления позиций другой страны или группы стран.

После февраля 2022 г. Пекин занял нейтрально-дружественную по отношению к Москве позицию, китайские СМИ сосредоточили внимание на неконструктивности подходов США и ЕС, “подливающих масло в огонь” украинского кризиса. США настойчиво добивались от Китая осуждения действий России на Украине и присоединения к западной санкционной политике. Однако следует обратить внимание,

что главным аргументом Запада стала моральная критика поведения Пекина. Это указывает на существенное снижение вероятности заключения прагматической “большой сделки” с Китаем (осуждение России в обмен на ослабление экономического давления). Пекин принципиально не намерен идти на уступки ради отмены “нелегитимных” санкций, тогда как США опасаются продемонстрировать Китаю и внешнему миру свою “слабость”.

По мнению **В.В. Михеева**, итоги недавно закончившегося XX съезда КПК не дают оснований предполагать, что китайско-американские отношения в ближайшие годы серьезно изменятся. Решения съезда не позволяют сказать ни в пользу, ни против циркулирующей в американских и китайских аналитических кругах идеи о готовности Китая пойти на возобновление диалога с США в послесъездовский период.

Китайско-американские отношения имеют свою логику и, вероятно, продолжают развиваться по этой логике. Как и китайско-российские отношения. В рамках этих логик Пекин продолжит балансировать между двумя векторами своей внешней политики. Оно предполагает развитие двустороннего сотрудничества с Россией с целью укрепления собственных переговорных позиций в противоборстве с США.

Сходную оценку высказал и С.А. Луконин. С его точки зрения, после XX съезда КПК характер российского вектора китайской внешней политики кардинально не изменится. РФ сохранит свою высокую значимость как стратегического партнера КНР, однако с отдельными ограничениями. Принимая во внимание внутреннюю социальную ориентированность политики Си Цзиньпина, Китай будет избегать обострения отношений с США и ЕС по российскому фактору, которое может поставить под угрозу достижение Пекином внутренних социально-экономических целей развития страны. Для России эта китайская позиция может быть по-прежнему охарактеризована фразой “благожелательный нейтралитет”, правда, с вероятным ужесточением, если политика Москвы будет угрожать стратегическим планам Китая.

По мнению В.Л. Ларина, политический прагматизм китайских руководителей, осознавших невыгодность конфликтных отношений с Россией по причине слишком большой протяженности общей границы, побуждает их избрать формат условной “дружбы” с северным

соседом и отложить (но не забыть) нанесенные им исторические обиды. Напоминанием об этом служит позиция Китая по Курильским островам, которая может быть характеризована как “недружественная” в отношении России и которая в завуалированной форме напоминает об “утраченных Китаем в результате агрессии царской России территориях”. При этом в конфликте Китай–США, с точки зрения В.Л. Ларина, Россия должна занимать ту же позицию, что Китай в конфликте Россия–США: моральная поддержка Пекина и призывы к мирному разрешению противоречий во благо всего человечества.

Участники круглого стола специально остановились на влиянии украинского кризиса на отношения Китая к России.

В.В. Михеев описал позицию КНР по данному вопросу таким образом: это неприемлемость для Китая признания распада Украины, недопустимость прямого военного столкновения с США и крайняя нежелательность дополнительного обострения отношений с США по фактору китайской дружбы с Россией.

Как отметил С.А. Луконин, отношение КНР к украинскому кризису и вызванным им проблемам двухуровневое. На первом уровне Китай проецирует сложившуюся ситуацию на себя в контексте своих территориальных проблем, связанных с Тайванем, Гонконгом, Тибетом и Синьцзян-Уйгурским автономным районом. Исходя из этого, КНР не может признать включение Крыма, ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России, независимость Южной Осетии и Абхазии.

На втором уровне украинский кризис рассматривается в Пекине в контексте стратегического китайско-американского соперничества. Так, с одной стороны, необходимо поддержать Россию как основной полюс прокитайского блока стран, поддерживающих КНР в противостоянии с США, а с другой – Китай не заинтересован в возникновении из-за российских действий новых непредвиденных факторов, которые могут способствовать ухудшению китайско-американских и китайско-европейских отношений.

В итоге Китай не может осудить российские действия на Украине ввиду важности российского фактора в китайском противостоянии с США, но и не имеет возможности активно поддержать Россию из-за опасений обострения китайско-американского и пока менее выражен-

ного китайско-европейского соперничества. Такое вероятное дополнительное обострение будет восприниматься китайскими властями как угроза социально-экономической стабильности, что может значительно подорвать доверие населения страны к Си Цзиньпину и КПК.

Таким образом, официальная позиция Китая в отношении украинского кризиса и сопутствующих вопросов сводится к формуле «не “за” и не “против” России». Однако на фоне заявлений первых лиц КНР о виновности США в сложившейся ситуации и об американских попытках дестабилизировать аналогичным способом обстановку в Южно-Китайском море она, скорее, выглядит как “благожелательный нейтралитет” в отношении России.

Необходимо отметить, что тактика и информационная кампания российской армии на Украине тщательно изучаются китайскими аналитиками применительно к тайваньскому вопросу. При этом вероятность военной операции против Тайваня по инициативе Китая чрезвычайно низка.

Китайский подход к соблюдению антиросийских санкций на практике также двойственен. Официально Китай их не поддерживает и не вводит ограничений в отношении российской экономики. Однако на неофициальном уровне есть проблемы в российско-китайском деловом сотрудничестве из-за опасений китайских контрагентов попадания под вторичные санкции.

Например, после украинского кризиса 2014 г. некоторые китайские финансовые институты, перестраховываясь, расширенно трактовали антиросийские санкции и часто блокировали долларовые платежи и переводы из России, притом что на тот момент инициаторы платежей даже не были включены в санкционные списки США и ЕС.

В актуальной ситуации два крупнейших госбанка Китая уже приостановили обслуживание сделок по покупке российских сырьевых товаров. Промышленно-торговый банк Китая (*ICBC*) перестал выпускать аккредитивы на сделки, осуществляемые в долларах, а каждый случай выпуска аккредитива на сделки в юанях требует отдельного одобрения высшего руководства. Банк Китая (*Bank of China*) также ограничил финансирование покупок российского сырья по решению своей службы управления рисками.

Некоторые китайские компании приостановили закупки российской нефти, доставляемой по морю из портов Дальнего Востока.

Аналог Мирового банка – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (*ABII*), в число учредителей которого входит и Россия (3-е место по вкладу в уставный капитал после Китая и Индии), также заявил о приостановке проектов, связанных с Россией и Белоруссией.

Китай не будет специально ограничивать торгово-экономическое сотрудничество с Россией, но попытается минимизировать риски попадания китайских крупных банков и компаний под действие первичных и вторичных санкций.

Особняком в российско-китайских отношениях стоит вопрос о взаимодействии России с Тайванем. Особенности этого взаимодействия в новых условиях рассмотрел **А.Н. Карнеев**. По его мнению, отношения России с этой территорией развивались вполне стабильно в предшествующий период. С учетом соответствующих ограничителей, обусловленных близкими отношениями Москвы с Пекином, степень сотрудничества с Тайванем, где в основном доминируют темы экономических связей и взаимодействия в сфере образования, науки и культуры, была довольно неплохой. В последние годы товарооборот составлял примерно 5 млрд долл. в год, а в прошлом 2021 г. достиг 6.3 млрд. На Тайвань регулярно ездили российские артисты, на острове обучались российские студенты.

После начала российской СВО Тайвань, двигаясь в унисон со странами Запада, громко осудил эти действия и заявил о санкциях в отношении России, прежде всего в сфере электронных компонентов. Наша печать широко освещала тему ограничений в сфере поставок микропроцессоров и литографического оборудования. Много писалось про “Эльбрусы” и “Байкалы”, работающие на микросхемах, поставляемых тайваньской стороной, и т. д. Ограничения коснулись даже поставок велосипедов в РФ.

Впрочем, МИД Китайской Республики (само название Тайваня) отличился громкими заявлениями еще во время февральской поездки В. Путина в Пекин на зимнюю Олимпиаду, выступив с протестом против соответствующего раздела в декларации лидеров двух стран о территориальной целостности КНР. С российской стороны в ответ на тайваньские санкции по ряду сообщений были применены ограничения на

поставку на Тайвань инертных газов, которые используются опять-таки в производство микрочипов.

Тайваньскими властями не был продлен безвизовый режим, введенный для россиян в 2018 г. Впрочем, он изначально считался экспериментальным и действовал только для россиян при посещении острова, но не для тайваньцев при поездках в Россию. В то же время этот случай показывает, что до февраля 2022 г. Тайвань был активнее Москвы в усилиях по активизации двусторонних связей и сотрудничества.

Можно ли считать Тайвань враждебной в отношении России территорией?

Конечно, для такого утверждения есть исторические причины. Например, в эпоху Чан Кайши и его сына Цзян Цзинго, то есть во времена холодной войны, широко использовался лозунг “выступить против коммунистов и сопротивляться России” (*фань гун кан э*). Иными словами, какие-то антироссийские мотивы, возможно, сохранились на рудиментарном уровне в менталитете населения острова со времен холодной войны. Возможно, осталось что-то подобное, восходящее еще к более раннему, колониальному периоду, когда двусторонних связей тоже практически не было, если не вспоминать про не очень массовую компартию Тайваня.

Но все же сейчас главное, что подпитывает антироссийские эмоции, – это параллели с Украиной и обострение ожиданий агрессивных действий со стороны материка, который якобы собирается повторить в отношении Тайваня то, что инициировала Россия в отношении Украины. В публичной риторике параллель с Украиной позволяет правящей партии позиционировать нынешнюю ситуацию вокруг Тайваня как часть глобальной борьбы сил демократии против диктатуры и тоталитаризма, то есть налицо усилия по идеологизации ситуации в Тайваньском проливе. Надо отметить, что правительство Демократической прогрессивной партии (ДПП) в этом отношении довольно успешно воздействует на молодежную аудиторию, которая, во-первых, сильно вестернизирована и, во-вторых, все более и более настроена против воссоединения с материковым Китаем. Постепенно пожилая часть тайваньцев, которая еще ощущает свое культурно-историческое единство с материком, в силу естественных причин со-

кращается. Молодежь уже все больше ощущает Китай как нечто чужое и малопонятное, чему способствует агрессивная политика нынешних тайваньских властей по декитаизации в сфере образования и культуры. На молодежную аудиторию травматическое влияние оказала жесткая политика Пекина в отношении Гонконга, особенно в период молодежных протестов 2019 г.

Ну и, конечно, следует подчеркнуть, что нынешнее правительство Тайваня просто не может не идти в фарватере американской политики, поскольку США – его главный покровитель, без которого Тайвань уже давно был бы присоединен к матерiku.

В то же время представитель Тайваня в России Борис Гэн (Гэн Цзинчжун) высказывался в том смысле, что, несмотря на включение российским правительством Тайваня в число “недружественных стран”, ситуацию драматизировать не стоит. Связи между Россией и Тайванем в экономической и культурной областях, в сфере образования продолжают развиваться. Товарооборот за первую половину 2022 г. вырос на 18%.

Конечно, в новых условиях, когда России особенно важна поддержка Китая, у связей с Тайванем есть более серьезные ограничители. Но все же нужно стремиться к сохранению наработанных контактов, связей, сотрудничества. Следует отметить, что в толще тайваньского социума в общем-то каких-то антироссийских групп влияния никогда не было, отчасти потому, что никакие интересы, существующие на острове, с российскими не сталкиваются. Россия слишком далеко.

В 2022 г. Тайвань, по прогнозам (но и все-таки неожиданно), должен обойти Японию и Южную Корею по показателю подушевого ВВП, достигнув уровня 35 тыс. долл. США.

Кроме того, нынешняя правящая партия, хотя и может похвастаться кое-какими достижениями, не факт, что сохранит власть после очередных президентских и парламентских выборов. В итоге с Тайванем надо стараться сохранить контакты, поскольку, помимо прочего, это важный канал изучения Китая и работы с Китаем.

Окончание следует.

Материал подготовил

А. РЯБОВ (andreyr@imemo.ru)